

Г. В. МАРКЕЛОВ

Смеховые приписки в рукописях Древлехранилища Пушкинского Дома

Среди большого числа приписок, записей и помет, встречающихся на полях и чистых листах древнерусских рукописей, можно найти такие, смысл которых вызывает у современного читателя улыбку, ассоциацию с шуткой, фольклорным балагурством. Если учесть, что наши знания о древнерусском смехе достаточно скудны и гипотетичны, то окажется, что при внимательном изучении приписок в рукописях может быть выявлен некоторый материал для изучения древнерусского юмора как важного аспекта отечественной средневековой культуры.

Исследователями древнерусской письменности уже отмечался бытовой характер некоторых приписок, преобладание в них просторечного народного языка.¹ Повседневная жизнь со своими делами и заботами, желание отвлечься и развлечься находили нередко прямое отражение в приписках, сделанных переписчиками или читателями древнерусских книг. «Переписывая богослужебную книгу, пскович не стеснялся заявлять тут же на полях о чем угодно про domo sua: „полести мыть ся“, „поехати пить в Зряковици“, „родиша порошата свиния на память Варвары“, „како ли не обестися, исто поставят кисель с молокомъ“»² (примеры из Псковского Шестоднева 1374 г.). Эти приписки являются памятными записями дневникового характера или же представляют собой бытовые сентенции.

«Другими своими сторонами приписки псковичей вскрывают свою близость к фольклору, к устной поэтической стихии. Иногда переписчик следует, быть может, ходячей пословице, но иногда тут же творит ее одинаково без отношения к переписываемому тексту; это — особенность псковских приписок, обнаруживающая, насколько личное настроение писца шло вразрез с выполняемой работой».³ Приведу примеры явно пословичного происхождения приписок: «Чрес тын пьют, а нас не зовут» (Шестоднев, 1374 г.), «Офреме, не держи ума кроме» (Ефремовская Кормчая, XII в.), «Бог дай съдоровие к сему богатю. Что кун, то все в калите, что пьрт, то все на себе. Удавися, убожие, смотря на мене» (Паремийник, 1313 г.), «Пост да молитва на диавола ловитва» (Сборник, XVII в.).⁴

Обратим внимание на рифмованный характер присловий, культивировавшийся в приписках такого рода. Отчетливо выражены созвучия: пьют—зовут, Офреме—кроме, молитва—ловитва. Этот формальный элемент, характерный для народного балагурства, скоморошества, вообще для «мирской притчи», едва ли является случайным. Еще А. Седелнико-

¹ См., например: Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. СПб., 1908. С. 36; Седелников А. Литературно-фольклорные этюды. Ч. 1. Псковские писцы XIV века и фольклор // Slavia. 1927. R. 6. S. 1. С. 64—71.

² Седелников А. Литературно-фольклорные этюды. С. 66.

³ Там же.

⁴ См.: Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 284—285.

вым отмечалась инициатива исковского писца Паремийника 1313 г., употребившего созвучие «спати—псати» в своей приписке: «Ох, ох, голова мя болит, нет мочи псати, а уже ночь, лязми спати».⁵ Здесь важным обстоятельством является тот факт, что смысл многих приписок на полях никак не связан с написанным тут же «богодуховенным» текстом книги. Эти небольшие житейские миниатюры показывают нам переписчиков: книг людьми творчески свободными, и это несмотря на страшные заклятья тем, «кто пишет у книг по полям»: «О горе тому, кто черькает у книг по полем, на оном свете те письма исперкають беси по лицу жагалом железным» (почерком XIV в. в Минее январской XII в.).⁶

В Древлехранилище Пушкинского Дома мне удалось обнаружить несколько рукописей, содержащих фольклорно-смеховые или близкие к ним приписки. Правда, надо сказать, что большая часть этих приписок не старше XVIII в. Учитывая, однако, что упоминаемые рукописи происходят преимущественно с Русского Севера, где влияние средневековой духовной культуры сохранялось еще в начале XX в., мне представляется возможным осуществить некую ретроспекцию крестьянских смеховых приписок нового времени в стихию средневекового русского смеха.

«Мало пишу, много челом бью. Федор Стефанов бил челом и плакался и под подол прятался», — такую запись оставил один из переписчиков начала XVIII в. в сборной рукописи XVII—XVIII вв. из Усть-Цилемского собр., № 12 (л. 139). В певческом сборнике XVII в. читаем следующую приписку скорописью рубежа XVII—XVIII вв.: «Поп Макарко писал угарком» (колл. М. В. Бражникова, № 25, л. 132 об.). «Понеже брат дурак, другой может быть так», — приписано в сборнике (Отд. пост., оп. 24, № 33) рядом с пометой о дарении книги Егором Фитяниковым своему брату Ивану в 1770 г. В этих приписках грубоватый народный юмор не требует комментариев. Отчетливо выражены в них рифма и ритм — знаки смешного, шутилой поговорки, дразнилки. Простонародное балагурство отчетливо выражено в приписках типа «проба пера», часто встречающихся в рукописях крестьянского происхождения: «Стати писати, пера попытати, не тупо ли перо, не дрожит ли рука, не кривит ли строка» (варианты: «...не свербит ли спина, не хочет ли плети Еким»; «...не боица ли писарь ременного кнута»)⁷. Рифмованное пожелание будущим читателям оставил тверской мещанин Дмитрий Жуков в своем сборнике 1815—1819 гг.: «Сию книгу читателю читать и писателю списать, не драть, не ламать, не марать и детям не давать балавать, а со вниманием читать» (Причудское собр., № 11). Вызывает улыбку сердитая, впрочем читательская, помета на рукописи Повести о Калеандре XVIII в.: «Сия книга мною прочтена, а ничего блага не получено. Едакая глупость была в древние времена, а ныне все по-своему проходит». Другой читатель зарифмовал свою приписку: «Сия книга многоразумна, бога хвалит и на разум наставляет, ум украшает, от пьянства отгоняет, от злых жен отгоняет» (Отд. пост., оп. 24, № 49 — сборник XIX в.). Читатель того же времени цитирует в другом сборнике изречение из Пчелы: «В мутной воде дна не видать, тако ж и в невесте разума не узнать» (Карельское собр., № 71). Список Физиолога XVIII в. дополнен шутилой поговоркой: «Не любо — не слушай, а лгать не мешай» (Отд. пост., оп. 24, № 125), в Истории об отцах и страдальцах соловецких XIX в. имеется озорная приписка: «Деревенски мужики оны просто дураки» (Карельское собр., № 139). В Синодике XVIII в. встречаем такую шутилую «пробу пера»:

⁵ Седелъников А. Литературно-фольклорные этюды. С. 67.

⁶ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1917. Отд. 3, ч. 2. С. 34, 49.

⁷ Примеры из Слова Палладия мниха, XIX в. (Красноборское собр., № 103), сборника XVIII в. (Карельское собр., № 26), сборника 1839 г. (Отд. пост., оп. 24, № 58).

«К сей тетради вместо того и етого тот и етот руку приложил» (Пинежское собр., № 201), в этой же рукописи представлена рифмованная апокрифическая загадка: «Едет старец, а под ним карец, а в руках везет ставец, а в ставце зварец. Поднялся карец, пошатнулся старец, пролился из ставца зварец». Вариант к этой загадке находим в сборнике XVIII в.: «Стоит град пуст, около ево куст, в кусте старец, у старца ставец, в ставце уварец, в уварти перец, в перьцы горость, в горости сладость, в сладости смерти, старцу» (Карельское собр., № 26).

Освященные традицией, вопреки закланиям и запретам, приписки на полях древнерусских рукописей воспринимались читателями как нечто само собой разумеющееся. За исключением владельческих и вкладных, прочие приписки не вычищались и не замарывались читателями на протяжении веков, когда книга переходила из рук в руки. Вместе с книгой переходили от поколения к поколению и редкая, как жемчужина, шутливая приписка, прибаутка, пословица, рисующие нынешнему читателю живого, лукавого предка, застигнутого в момент благочестивого, но утомительного труда неодолимым желанием отвлечься, пошутить, как это случилось с одним из переписчиков пергаменного Евангелия XIV в. галицко-волынского письма (Отд. пост., оп. 25, № 30). В сохранившихся фрагментах приписок на полях мы читаем, что писцу захотелось вдруг «медку» (л. 84 об.), что ему «дремлется, спал бых» (л. 48 об.), то жалуется он, что «молился бых богу, да силъки нет, а еще дремлется» (л. 73 об.). Шутливые эти приписки имеют несомненно рекреационное значение. В них автор обращает смех на себя, не задевая читателя неуместным, казалось бы, рядом с текстом Евангелия балагурством. И читателю внятен их смысл, не вступающий в противоречие с содержанием и назначением книги, иначе приписки были бы уничтожены.

Приведу, наконец, еще одну из интересующих нас приписок на рукописях Пушкинского Дома. Она читается на нижнем поле листа в самом конце службы Николе Чудотворцу на 6 декабря в рукописи XVII в.: «Утешение велие, рыбы бдение (так! — Г. М.), да пиво обычное или сыченое. Трезвон — вечера большая — колачи до изъеда, да селди переславские, да по три меры меду на человека, да пироги и оладьи, да лапши с перцом, да каша пшена с медом, да яглы гречневые с соком, да по судаку в ухе, а затем что бог послал» (Северодвинское собр., № 296). В этой приписке, как мне кажется, содержатся одновременно две пародийные темы — на монастырский Устав о трапезах и на Устав о последовании церковной службы. Смешение терминов устава и перечисления блюд создает впечатление бессмысленности, нелепости, характерной для древнерусской пародии.⁸ Таким образом, и в приписках на рукописях мы встречаем образцы пародии, одного из литературных жанров древнерусского смеха.

⁸ См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 16.